

Л. А. Рудкевич

Кто он, современный учащийся? (взгляд психофизиолога на развитие образования)

О ПРОФИЛЬНОМ ОБУЧЕНИИ И НЕ ТОЛЬКО О НЕМ

Сейчас многие педагоги и психологи занимаются вопросами готовности старшего дошкольника к школе, старшеклассника — к обучению в вузе, выпускников вузов — к аспирантуре. При этом вышеперечисленные ученые безоговорочно предполагают, что профильное обучение в старших классах школы способствует лучшей готовности выпускника к усвоению вузовской программы.

Мы хотим поставить перед читателем вопрос по аналогии: какой ребенок лучше готов к школе: тот, развитием которого активно занимались и дома, и в детском саду, которому читали вслух, который участвовал в развивающих играх, но при этом его не обучали ни грамматике, ни арифметике, или же ребенок, не посещавший детского сада и обделенный вниманием родителей, но, однако, кое-как обученный доброй бабушкой читать и считать?

Ответ самоочевиден: к школе лучше готов первый ребенок, потому что он более интеллектуально развит, и поэтому школьные дисциплины, включая и грамматику, и арифметику дадутся ему легче. Аналогично, к обучению в высшей школе будет также лучше готов выпускник школы, в программе которой на первом месте стояли фундаментальные, интеллектуально развивающие дисциплины, такие, как математика и естественные науки, русский и иностранный языки, литература, история.

Тем не менее это, на первый взгляд, более чем очевидное положение почему-то полностью игнорируют чиновники из Министерства образования. Так, предложенная еще в 2002 году и интенсивно вводящаяся ныне программа профильного обучения в старших классах особое внимание уделяет как раз профильным, т.е. прикладным дисциплинам, при этом фундаментальные науки оказываются на положении «бедного родственника». Приведем цитату из данной программы: «Устранить характерную как для общего, так и для профессионального образования традицию перегруженности учебных планов предметами и сведениями, которые не являются фундаментом для новых знаний, а рассчитаны на «прохождение», на то, чтобы их сдать и забыть».

Все предметы должны быть необходимы для последующих стадий образования и востребоваться в дальнейшей социальной и профессиональной деятельности». Но, и мы об этом уже

Лев Александрович Рудкевич — доктор психологических наук, профессор РГПУ имени А. И. Герцена.

В 1974 году завершил работу над кандидатской диссертацией, посвященной творчеству зрелых людей. Результаты исследования были опубликованы, на киностудии «Леннаучфильм» по сценарию Рудкевича был поставлен фильм «И придешь в золотую осень». Однако за две недели до защиты Л.А. Рудкевич был арестован по обвинению в распространении самиздата и впоследствии вынужден был покинуть пределы СССР.

Жил в Австрии и Германии, где занимался журналистской и литературной работой.

С 1991 года живет в Санкт-Петербурге, в 1994 году защитил кандидатскую диссертацию, по материалам которой были изданы две монографии, а в 2001 году — докторскую диссертацию, которая также сопровождалась выходом монографий.

В настоящее время занимается палеопсихологией и проблемами эволюционного развития психики человека на современном этапе.

упоминали выше, именно те «предметы и сведения, которые не являются фундаментом для новых знаний, а рассчитаны на «прохождение»», являются в то же самое время фундаментальными, развивающими и поэтому именно они обеспечивают готовность старшеклассника в обучению в вузе. Поставим еще один вопрос: какой из выпускников одиннадцатого класса успешнее освоит программу вуза, готовящего специалистов по программированию, — тот, который окончил профильную школу, в программе которой было шесть учебных часов в неделю по информатике и еще вдобавок четыре часа по труду, четыре часа по ОБЖ (основам безопасности жизнедеятельности) и шесть часов по физкультуре, в то время как фундаментальные дисциплины занимали самое большее — 50% учебных часов? Или же выпускник элитарной гимназии (которые, к счастью, еще сохранились в небольшом количестве в нашей стране), в программе которой вообще не было прикладных профильных дисциплин — информатики, ОБЖ, труда, черчения и т.п.? Без всякого сомнения, выпускник гимназии, а не профильной школы, окажется более успешным в освоении практически всех дисциплин, в том числе и информатики, которую он не изучал, и прежде всего потому, что фундаментальные дисциплины и только они развивают школьника интеллектуально.

В связи с этим мы предлагаем проект программы, альтернативной профильному обучению.

Первое предложенное нами направление реорганизации школьного образования — интенсивное. В школах и особенно в гимназиях следовало бы усилить программу не только по отдельным предметам, соответствующим гимназическому профилю, но и по всем развивающим дисциплинам, по русскому языку и литературе, по иностранному языку, по математике, истории и естественным наукам. Очень желательно было бы введение в гимназическую программу латыни. Этот язык, как самый логичный из европейских языков, в большой степени способствует развитию логического мышления школьников.

Второе направление — экстенсивное. Исследования психологов свидетельствуют о том, что интеллект школьников в сентябре, то есть после летних каникул, ниже чем в середине и в конце учебного года. Нуждаются ли школьники в трехмесячном отпуске, чтобы отдохнуть после окончания учебного года?!

Прибавим к этому еще и то, что из-за недостатка технического персонала в школах последние две недели перед летними каникулами администрация организует «практику», которая заключается в том, что учащиеся моют полы и окна, обметают стены и т.п. Таким образом, вместе с этой «практикой» ученики не занимаются три с половиной месяца!

В странах Западной Европы дети отдыхают летом только полтора месяца, и этого оказывается вполне достаточно. Кроме того, полтора месяца, добавленные к учебному году, могли бы позволить, с одной стороны, ввести в школе и в гимназии повышенную учебную

нагрузку, а с другой, — равномерно распределить ее, избегая чрезмерных нагрузок на учащихся.

К этому же — экстенсивному — направлению можно отнести предложение вывести из учебной программы те дисциплины, которые, во-первых, остаются невостребованными в жизни и, во-вторых, не развивают мышление школьника. Прежде всего это относится к такому предмету как труд: для гимназистов (а гимназическое обучение как в нашей стране, так и за рубежом подразумевает продолжение образования в высшем учебном заведении) затрата времени на овладение навыками рабочей профессии совершенно не нужна. Тем не менее как в массовых школах, так и в гимназиях (за исключением немногих элитарных гимназий) в средних и в старших классах труду отводится четыре учебных часа в неделю. Такое усиление труда восходит к пресловутому тезису Н.С. Хрущева о «связи школы с жизнью», провозглашенной им в 1960 году. Отметим, что не только зарубежные, но и многие отечественные педагоги и психологи рассматривают труд как ненужную дисциплину, которая только отвлекает школьников от учения.

К таким же не развивающим и невостребованным дисциплинам следует отнести черчение и ОБЖ (основы безопасности жизнедеятельности). Особый вопрос: преподавание в гимназиях и школах музыки. С одной стороны, музыкальное воспитание, вне всякого сомнения, развивает интеллект и способствует гармоническому развитию личности. Но, с другой стороны, талантливые дети с высоким интеллектом, как правило, отличаются и высоким художественным вкусом: они слушают классическую музыку, посещают филармонию и музыкальные театры; один урок музыки в неделю вряд ли добавит что-либо к их музыкальному образованию.

Еще одна проблема, которая также остро встает на современном этапе, — это физкультура и спорт в школе. Министерство образования рекомендует вводить в школах по 6 (!) уроков физкультуры в неделю. Оправдано ли такое внимание к физкультуре в школах? Очень часто в средствах массовой информации ставится знак равенства между словами «физкультура» и «здоровый образ жизни». Однако, с научной точки зрения, эта связь отнюдь не очевидна; более того, многочисленные изыскания геронтологов свидетельствуют о том, что дольше других живут как раз малоподвижные люди, а вот земной век профессиональных спортсменов в среднем составляет всего лишь пятьдесят лет! Что же касается высших учебных заведений, то физкультуру в них в качестве обязательной дисциплины следовало бы вообще отменить; к сожалению, на этом, очевидно, бесполезно настаивать, — миф о необыкновенной пользе физкультуры и спорта для здоровья и их роли в гармоничном развитии личности слишком живуч, в особенности в нашей стране, возможно, как своеобразная отрыжка социалистического строя.

Таким образом, убрав из школьной программы все

Дискуссия

перечисленные дисциплины, мы уменьшим неделю минимум на тринадцать часов! Этого будет вполне достаточно, чтобы заполнить образовавшийся вакуум развивающими фундаментальными дисциплинами и сделать школьное и гимназическое обучение не просто дающим необходимые знания, но и, что мы считаем еще более важным, развивающим учащихся интеллектуально и удовлетворяющим их познавательные интересы.

Мне зададут вопрос: а как же поступить с детьми со средними способностями, которые составляют основную массу учеников школ? Ведь с усиленной учебной программой, особенно по таким дисциплинам как математика, физика, иностранный язык они не справятся. Мои ученики неоднократно проводили лонгитюдные исследования в гимназиях и в гимназических классах школ-гимназий, но не в тех элитарных гимназиях, куда при приеме ведется жесткий отбор, а, если так можно выразиться, в рядовых гимназиях, куда может поступить практически каждый ребенок. Что же выявляют такие лонгитюдные исследования?

Пятикласснику со средними способностями или даже со способностями немного ниже средних на первых порах действительно приходится нелегко, но уже к седьмому, самое позднее к восьмому классу он выравнивается и, как правило, становится уверенным в себе «хорошистом». В чем же тут дело? А в том, что преобладающие в гимназической программе фундаментальные дисциплины не только развивают интеллект, но и повышают мотивацию к учебе. Отметим, что в наши дни в крупных городах России (и Европы) от 25% до 35% выпускников школ получают высшее образование. К середине нашего столетия эта цифра, по прогнозам футурологов, увеличится до 50%, а из этого следует, что уже через 10–15 лет половина наших массовых школ должна быть реорганизована в гимназии.

Многие апологеты профильного обучения в старших классах полагают, что, к примеру, в физико-математической школе можно сократить программы по истории и литературе, а в школе с гуманитарным уклоном, напротив, сократить программы по математике и естественным наукам. Такого рода практику следует рассматривать как порочную, ибо она ведет к дисгармоничному и ущербному развитию личности школьника; учение в детском, подростковом и раннем юношеском возрасте так же необходимо для нормального психического развития человека, как в младенческом возрасте материнское молоко: профессиональный математик, который в школе не получил необходимой порции гуманитарных наук, не будет гармонично развитой личностью, он навсегда останется верхоглядом, и его творческий потенциал очень скоро иссякнет. И аналогично, в профильной программе, рассчитанной на старшеклассников, более склонных к гуманитарным наукам, следует не только не убирать или сокращать такие предметы как математика и естествознание, но, напротив, усилить их.

Еще один вопрос, на котором мы хотели бы кратко остановиться, это широко муссируемая в средствах массовой информации, в положениях Министерства образования и даже в выступлениях членов правительства «проблема перегруженности школьников». Теоретики перегруженности забывают о двух более чем очевидных фактах: первое — ведущая мотивация школьника — это учебно-познавательная мотивация, именно в тех элитарных гимназиях, где она, благодаря усиленной программе по фундаментальным дисциплинам, сполна удовлетворяется, ученики чувствуют себя психологически комфортно, учеба доставляет им огромную радость; второе — слабая загруженность учеников предметами, либо перегруженность программы прикладными и балластными дисциплинами приводит к такому опаснейшему явлению как интеллектуальная депривация или интеллектуальный голод.

Это явление, как уже давно подмечено психологами, ведет к множеству нежелательных последствий, среди которых на первое место можно поставить склонность к патологическим зависимостям — алкоголизму, наркомании, игромании, а также к антиобщественному поведению. Добавим к этому, что в элитарных гимназиях, несмотря на «перегруженность» школьников учебной программой, учащиеся находят время и для чтения классической литературы, и для посещения филармонии, оперных и драматических театров, и для занятия спортом, в то время как любимое занятие учеников массовых школ — это либо бесцельное шатание по улицам, либо прослушивание дешевой попсовой музыки, в которой нет ни мелодики, ни гармонии, либо компьютерные игры, которые в полном смысле слова «выбивают мозги из их голов». Более того, гимназисты любят свои школы, они любят учиться и получать знания, причем занимаются этим как на уроках, так и в свободное время, многие мечтают о том, чтобы получить высшее образование и вернуться в свою alma mater, но уже в качестве учителей (и многим это удается), тогда как учащиеся массовых школ, программа которых перегружена скучными балластными дисциплинами, не любят учение, не любят школу, но самое главное: они навсегда теряют вкус к познанию чего-то нового, они полностью утрачивают способность к творчеству, они становятся безразличными к любому виду умственного труда.

Несомненно, школьная программа в советский период содержала больше дисциплин фундаментальных, дисциплин, развивающих интеллект и мышление. Несомненно, школьники в те года читали больше хороших книг, лучше знали точные и естественные науки, историю, грамматику и орфоэпию (при этом никто в те времена не поднимал вопрос об их «перегруженности»). Значит ли это, что наилучшей реформой существующей в наши дни системы образования было бы возвращение к программам 50–60-х годов? Задавая педагогам и психологам такой вопрос, необходимо поставить еще один: изменились ли за последние полвека наши дети, точнее, изменились ли они генетически и психологически?

ЧТО ПРОИСХОДИТ С НОМО SAPIENS НА СОВРЕМЕННОМ ЭТАПЕ?

К сожалению, среди антропологов, а также среди психологов и педагогов распространено мнение о том, что эволюция человека как вида прекратилась уже по крайней мере пятьдесят тысяч лет назад. Однако это мнение не соответствует данным многих современных палеонтологических исследований, согласно которым вид *Homo sapiens* продолжал эволюционировать и изменяться на протяжении последних тысячелетий и даже столетий, более того, такие эволюционные изменения продолжают и в наши дни. Попытаемся очертить основные направления эволюционных преобразований человека на современном этапе.

Первое эпохальное изменение человеческого вида или, как говорят ученые, «секулярный тренд» — *астенизация*; она выражается в увеличении в популяции эктоморфного или астенидного типа. Процесс астенизации идет необычайно быстрыми темпами: если среди населения старше 50 лет доля астеников составляет только 30–35%, то среди юношей и подростков — уже около 50%, а среди дошкольников и детей младшего школьного возраста — около 65%!

Другим направлением преобразований в популяции *Homo sapiens* является замедление скорости биологического развития, включая и сроки полового созревания, — явление, названное *деселерацией* или *ретардацией* развития. Отметим, что процесс деселерации характеризуется неравномерностью, заключающейся в том, что он периодически прерывается волнами обратного процесса — ускорения сроков созревания, получившего название *акселерации*; последняя вспышка акселерации приходилась на 60-е — начало 70-х годов XX столетия. В этот период предростовой скачок, прохождение которого служит показателем готовности ребенка к школе, приходился на 5,5–6 лет; а пубертатный скачок — период полового созревания у девочек часто приходился на возраст 10,5, а у мальчиков — 11,5 лет. В наши дни предростовой скачок дети переживают в возрасте 7,5 и даже 8 лет, а пубертатный период в сравнении с 60–70-ми годами отодвинулся на 2,5–3 года.

Еще один секулярный тренд, ярко проявляющийся на современном этапе эволюции человека, — *увеличение в популяции пропорции лиц с доминирующим правым полушарием и лиц, у которых межполушарная асимметрия или доминирование одного из полушарий переднего мозга выражено нечетко*. Напомним, что люди с доминирующим левым полушарием мозга, которые во всех популяциях составляют большинство, называются правшами, поскольку их ведущая рука — правая, а люди с доминирующим правым полушарием мозга, которые составляют меньшинство, называются левшами, поскольку их ведущая рука — левая; особую группу составляют амбидекстры — для работы они, как правило, пользуются, как и правши, правой рукой, однако в случае необходимости могут выполнять достаточно сложные операции левой.

Среди взрослых доля левшей составляет 6%, а амбидекстров — около 10%, тогда как в детской популяции доля леворуких возрастает до 11%, а амбидекстров — до 45%. То есть, если среди взрослых подавляющее большинство (около 85%) составляют выраженные правши, то среди детского и подросткового поколения их пропорция составляет менее половины. Отметим, что так же сильно выраженная церебральная асимметрия, сочетающаяся с односторонним доминированием как одной из рук, так и одной ноги (на той же стороне тела), а также с выраженным доминированием (опять же на этой же стороне) анализаторных функций — зрения, слуха, тактильной чувствительности, обоняния — очень часто сочетается с пониженным интеллектом, в то время как у лиц с относительно слабо выраженной межполушарной асимметрией (к примеру, у такого человека ведущая рука может быть правой, маховая нога — левой, ведущий глаз — правым, ведущее ухо — левым и т.д.), напротив, отмечается более высокий интеллект.

Следующая эпохальная тенденция на современном этапе эволюции человека — *ювенилизация*, которая выражается в усилении мозгового черепа или нейрокрана и одновременно в ослаблении или редукции лицевого черепа — спланхнокрана. Многие ученые рассматривают эту тенденцию как основное направление или основной «модус» эволюции человека за последние четыре с половиной миллиона лет, то есть со стадии австралопитека. На протяжении всего этого периода времени происходила редукция лицевого скелета и одновременно усиление мозгового скелета черепа. Интересно отметить, что у детеныша первобытного человека, также как у детеныша ближайших родственников *Homo sapiens* — гориллы и шимпанзе, объем мозгового черепа значительно превышает объем лицевого, однако в процессе дальнейшего онтогенеза рост лицевого отдела происходит очень интенсивно, поэтому у взрослых шимпанзе, гориллы, австралопитека и других предков человека лицевой череп сильно преобладает над мозговым. У современного человека, напротив, сохраняется как бы детское или «ювенильное» соотношение этих двух отделов, потому и процесс формирования скелета черепа и головы человека называется ювенилизацией. Эта эволюционная направленность в наши дни выражена столь отчетливо, что она обнаруживается даже в пределах одного поколения!

Следующая эпохальная тенденция эволюции человека в наши дни — *грацилизация*. Этим термином обозначают утончение скелета и общее ослабление опорно-двигательного аппарата — костей и поперечно-полосатых мышц, а также уменьшение силы мышц. Грацилизацию не следует смешивать с другой, уже упомянутой тенденцией — астенизацией; более грацильными в наши дни становятся не только эктоморфы (астеники), но и представители других конституциональных типов — мезоморфы (атлетики) и эндоморфы (пикники).

Последняя эпохальная тенденция или секулярный тренд, который можно обнаружить в популяции человека, может быть обозначен как *андрогиния* или *гинандроморфия*. Она заключается в частичном сглаживании половых различий или полового диморфизма. Интересно отметить, что тенденция к андрогинии сопровождается сменой эстетического идеала, который, в свою очередь, оказывает влияние на моду: так, например, если женщины в XIX веке носили платья с глубокими декольте, подчеркивающими пышную грудь, и широкие юбки или кринолины, подчеркивающие крутые бедра, до тепер женщины, в особенности молодые, предпочитают приталенные платья с закрытым воротом или узкие, облегающие бедра брюки, поэтому сегодняшнюю женскую моду можно также назвать «гинандроморфной».

Если астенизация представляет собой автономную и независимую тенденцию эволюции *Homo sapiens* на современном этапе, то другие перечисленные выше процессы взаимосвязаны: более ювенильные дети и подростки характеризуются усложненным латеральным профилем — т.е. слабо выраженной межполушарной асимметрией, более поздним созреванием или большей степенью ретардированности, они также более грацильны, у них слабее выражены половые различия, то есть они более андрогинны. Таким образом, ювенилизацию, усложнение латерального профиля (ослабление степени доминирования одного из полушарий), ретардацию развития, грацилизацию и тенденцию к гинандроморфии (андрогинии) можно рассматривать как разные признаки единого процесса прогрессивной эволюции человека.

Одновременно перечисленные морфологические изменения сопровождаются целой когортой психологических признаков: эволюционно более продвинутые индивиды характеризуются большей чувствительностью и психологической ранимостью, более высоким интеллектом, в особенности невербальным (отметим при этом, что, вопреки распространенному мнению, интеллект децелерированных детей и подростков выше, чем у акселерированных), большими креативными способностями, меньшей степенью экстравертированности, большей критичностью, самодостаточностью и независимостью мышления и меньшим авторитаризмом, меньшей агрессивностью, а также сдвигом динамики суточной активности в сторону «совы».

КЛАССЫ ДЛЯ «СОВЫ» И «ЖАВОРОНКОВ»

Перечисленные выше эпохальные изменения конституции и психики человека, безусловно, должны быть учтены педагогами при разработке новых подходов к воспитанию и обучению. Отметим, что педагоги и работники Министерства образования, участвующие в составлении современных образовательных программ, принимают во внимание новые достижения науки и техники, например, компьютеризацию и развитие сети Интернет, но ни одна из этих программ, включающих в

себя самые современные педагогические инновации, не учитывает того бесспорного факта, что сам человек меняется из поколения в поколение и что педагогические и воспитательные приемы, разработанные, к примеру, еще в 60-е годы прошлого столетия, не могут уже с успехом применяться в наше время.

Так, некоторые психофизиологи предлагают разделить классы на классы «жаворонков» и классы «сов». Такое разделение представляется оправданным: «жаворонки» быстро засыпают, рано просыпаются, пик активности приходится у них на первую половину дня; «совы», напротив, обычно с трудом засыпают, сон у них в течение ночи неглубокий и прерывистый, и только к утру он становится глубоким и полноценным, пик дневной активности у них приходится на послеполуденные и вечерние часы. Поскольку учебный день школьника традиционно ориентирован на тип «жаворонка», «совы» не высыпаются, на первых уроках не могут концентрировать внимание, быстро утомляются в школе. Астеники, доля которых среди учащихся в наши дни составляет около 60–65%, о чем мы уже упоминали, почти без исключения относятся к «совам», о чем писали самые признанные психологи, занимавшиеся конституциологией — Эрнст Кречмер и Уильям Шелдон. У ювенильных детей, которые также составляют большинство в популяции детей и подростков, динамика суточной активности тоже тяготеет к типу «совы». Значит, если еще тридцать-сорок лет назад большая часть школьников относилась к типу «жаворонка» и преимущественная ориентация на этот тип была оправдана, то теперь было бы целесообразным перенесение первого урока в школе с восьми-девяти на десять или даже на одиннадцать часов утра. Тогда дети будут лучше высыпаться, лучше концентрироваться на уроках, меньше утомляться и, в конечном счете, лучше успевают в школе. Что же касается немногочисленных «жаворонков», то они будут рано просыпаться, готовить уроки еще до занятий в школе, а вечером, когда их активность снижается, отдыхать и рано ложиться спать.

Мы уже останавливались выше на вопросе об увеличении в школьной программе часов, отводимых физкультуре и спорту. Мы также писали о сдвиге динамики суточной активности современных школьников в сторону «совы». Специалисты по лечебной физкультуре считают, что «совам» крайне нежелательно начинать день со спортивных упражнений — для них спорт вскоре после пробуждения сопряжен с запредельными физическими и нервными нагрузками. Отсюда следует, что, во-первых, не стоит пропагандировать утреннюю гимнастику для детей, и, во-вторых, уроки физкультуры не следует проводить в начале учебного дня. Другой аспект этой же проблемы связан с процессами астенизации и грацилизации. Эктоморфы и грацильные дети, которые, о чем мы уже упоминали, составляют теперь большинство, физически слабее, поэтому нельзя загружать их такими физическими упражнениями, с которыми довольно легко справлялись дети еще тридцать-сорок лет назад, к примеру, изнуряющий

бег по несколько кругов вокруг школы. И тем более учителям физкультуры не следует требовать от современных детей выполнения тех нормативов БГТО и ГТО (по прыжкам, по бегу и так далее), которые были составлены еще в тридцатые годы прошлого века. Однако у астенических и грацильных детей чаще наблюдаются болезни опорно-двигательного аппарата, в особенности такие как сутулость и сколиоз, в связи с чем представляется наиболее целесообразным вместо традиционно построенных уроков физкультуры в школах вводить (и только в середине или к концу учебного дня) короткие физкультпаузы, во время которых дети будут выполнять специальные, разработанные врачами — специалистами по лечебной физкультуре, упражнения.

Более позднее созревание детей, связанное с процессом ретардации, также не может быть не учтено практическими психологами и педагогами. Нынешние дети, о чем мы уже упоминали, позднее, чем еще 20–30 лет назад проходят через два ростовых скачка или два кризисных периода развития. Первый скачок, называемый предростовым, ранее он приходился на старший дошкольный возраст, шесть — шесть с половиной лет; второй, называемый пубертатным, связанный с процессом полового созревания.

Еще с 20-х годов прошлого века критерием готовности ребенка к обучению в школе считали выполнение Филиппинского теста. Этот тест проводится следующим образом: ребенку предлагают, перекинув правую руку через голову, дотянуться ею до верхнего края раковины левого уха; при этом голову нельзя наклонять. Если ребенок достает рукой до уха — тест выполнен. Выполнение теста, в свою очередь, означает, что ребенок прошел ту уже упомянутую нами стадию онтогенеза, которую ученые называют предростовым скачком.

Во время этого периода, который продолжается от восьми до десяти месяцев, у ребенка интенсивно растут конечности, в то время как рост туловища отстает от них, а величина головы практически не изменяется; именно по этой причине, — в связи с увеличением длины руки относительно окружности головы, ребенок начинает выполнять Филиппинский тест. В это же время у ребенка появляется первый коренной зуб — признак, который, наравне с Филиппинским тестом, можно рассматривать в качестве маркера предростового скачка. Предростовой скачок также называют периодом перехода от однополого детства к двуполому: типичное анатомическое строение дошкольника — это форма карапуза с короткими руками и ногами, очень большой головой и длинным телом, — в этот период онтогенеза детские или инфантильные признаки как бы скрывают под собой половые, ребенок еще не имеет четко очерченных признаков пола; у младшего школьника, уже прошедшего стадию предростового скачка, удлинение рук и, особенно, ног, способствует выявлению первых анатомических признаков пола: иногда говорят, что до шести с половиной лет ребенок — это только ребенок (разумеется, имея в виду только

его анатомию), а после этого возраста он становится или мальчиком, или девочкой.

Психологически предростовой скачок сопряжен, прежде всего, со сменой ведущей мотивации — игровой на учебную. Ребенок, еще не прошедший эту стадию развития, может быть уже обучаем, то есть он в той или иной степени способен усваивать программу начальной школы: грамматику, арифметику, иностранный язык. Однако такому ребенку еще нельзя подавать знания в традиционной школьно-урочной системе; ребенок, не прошедший предростового скачка, учится играя, поэтому материал ему следует подавать в игровой форме, как это делают учителя и воспитатели детских садов.

В шестидесятых — начале семидесятых годов XX века, в «эпоху акселерации», дошкольники проходили предростовой скачок уже к шести — шести с половиной годам, поэтому к семи годам они были уже подготовлены к школьной дисциплине, они воспринимали материал, подаваемый им в традиционной школьно-урочной форме обучения. В наши дни, в связи с ретардацией развития, предростовой скачок сместился на возраст семи с половиной и даже восьми лет. Отсюда следует, что в первом и возможно даже во втором классах школы учебный материал желательно подавать ученикам в игровой форме.

В то же самое время у ретардированных детей существенно выше интеллект, они становятся принципиально обучаемыми уже с пяти и даже с четырех с половиной лет, а к шести с половиной годам уже способны пройти школьную программу для первого класса, разумеется, при организации занятий в той форме, в какой они способны усваивать учебный материал. Очень важно отметить, что способность детей дошкольного возраста к обучению должна означать, что дошкольное образование в наши дни из факультативного должно стать обязательным. В детских дошкольных учреждениях в средних, старших и подготовительных группах надо вводить обучение по специальным программам, разработанным в Министерстве образования, для детей, не посещающих детские сады, нужно увеличивать сеть специальных дошкольных учреждений образования — школ раннего развития.

Следует помнить, что опасность невостробованного в дошкольном возрасте интеллекта приводит не только к задержке общего умственного развития, которое, в принципе, можно компенсировать в последующие годы, но прежде всего к интеллектуальной депривации или умственному голоду — состоянию, которое, в свою очередь, ведет к дизонтогенезам — склонности к делинквентному поведению, игромании, наркомании и другим патологическим зависимостям уже в школьном возрасте.

Продолжение материала в следующем номере.